

Борис БОРУКАЕВ

Я помню город

Я помню город мой родной,
который был покинут мной.
В том нет его вины.
И даже здесь, в другой стране,
навечно душами во мне
мы соединены.

Вокруг меня — рой горожан,
театры, парки, океан,
но в мыслях окружен
всем, чем живет иной пейзаж:
Соборка, Оперный, Пассаж,
толчок и Ланжерон.

Я помню едкость эпиграмм,
что посвящал учителям,
которых ныне чту.
Как, выпускной продолжив бал,
с друзьями еньку танцевал
на Тещином мосту.

Я помню университет —
пять самых ярких в жизни лет.
В нем актовый был зал.
Участник СТЭМа, глуп и смел,
про Совнарком частушки пел
и Гамлета играл.

И не забыл я до сих пор
наш проходной веселый двор
с колодцем у ворот.
Твердили хором старики:
"На дне действительно-таки
есть в катакомбы вход".

Хромого дворника с метлой,
будившей весь народ честной,
как будят поезда.
Соседской девушки ответ.
В ее устах звучало "нет",
похожее на "да".

О, славный герцог Ришелье,
укор живущим на Земле,
прости-ка ты нас всех.
К тебе гостей водили ведь
на Дюка с люка посмотреть,
их вызывая смех.

А рядом восхищает глаз
архитектурный высший класс.
Сузу не по молве.
Беги по лестнице смелей!
Я помню, что ступенек в ней
сто девяносто две.

А вот блистательный "Привоз",
где предложением правил спрос,
а не наоборот.
Здесь был вполне уместен торг
и приводил любой в восторг
вербальный оборот...

Не описать всего стихом,
чему и сердцем, и умом
мы вдалеке верны.
Я помню город мой родной,
который был покинут мной.
В том нет его вины.

По Гринвичу

Там, в пенатах, где два с плюсом по Гринвичу,
где в червленом поле якорь — геральдика,
как ни странно, но казалось:
подпрыгни чуть —
и поймешь непременно журавлика.

Он дразнил всегда своей невесомостью,
словно вверх тянула сила какая-то.
Но верхней,
под ним пространство все полностью
было жирными синицами занято.

А в краю,
в котором Гринвич — пять с минусом,
где охвачен мир котгами орлиными,
хочешь — сам себя казни,
хочешь — милуй сам,
вышибая из небес клинья клиньями.
Здесь раскованность твоя —
беспризорница,
здесь прикормленность твоя —
бесприданница.
И журавлик в этом небе не водится,
и синица прочь из рук вырывается.

Моя душа

Разлука-боль взяла разгон.
Считались дни, затем недели.
А вскоре счет был обнулен,
и быстро годы полетели.

Они летели стороной,
о чем могу лишь сожалеть я.
И вот встречаюсь вновь с тобой
спустя одиннадцатилетие!

Где б ни был, мчусь, глаза слезя.
А здесь парю, лишенный веса.
Я — часть тебя, но ты — весь я,
моя душа, моя Одесса.

Вести с полей, или Дело было под Одессой

Сыграл Бюль-Бюль на фортепьяно.
Запела Майя "Усть-Илим".

Ноктюрн Арно Бабаджаняна
исполнил жалостно Муслим.
Его сменив, Эдита Пьеха
сплясала твист про Манжерок.
Затем о фронтовых успехах
напомнил некий старичок.
Поведал диктор о шахтерах,
дававших уголь на-гора,
о неизведанных просторах,
познать которые пора,
о трудовых победах наших,
о злых буржуах за бугром,
Стране Советов угрожавших,
но нам угрозы нипочем.
И в подтвержденье мысли этой,
рожденной в чьей-то голове,
воздал Кобзон хвалу приветной
и "золотой моей Москве"...

Вещала модная "Спидола",
трясая антенной на ветру,
у ног посланцев комсомола,
студентов славного ОГУ,
прибывших утречком с обозом
в гумном пропахший сельский рай
на зов подшефного колхоза,
чтоб в бой вступить за урожай
и в настроении не праздном
пополнить, хоть и задарма,
зато с большим энтузиазмом
своей Отчизны закрома.

Назло воякам Пентагона,
назло коварному врагу
они дышали учащено
на свежекошенном лугу.
И лучше, чем под гимн столицы
на том клочке родной земли
среди бела дня совокупиться,
навряд ли выдумать могли.

США, Нью-Йорк.

Анатолий КОНТУШ ДОМ

"О'кей", — сказал Майкл и пошел прямо
к воде; солнце стояло уже высоко, и он сов-
сем не отбрасывал тени. Он выбрал место,
снял майку и туфли, наклонился и зачерпнул
побольше песка. Дом ведь и правда занимал
почти целый квартал и со всеми своими гале-
ереями, лесенками и перилами был похож на
океанский пароход, желтый в лучах заходя-
щего солнца.

...Первым делом, конечно, этот флигель,
где когда-то все и началось, длинная стена
вдоль Торговой, здесь укрепить, чтобы не
осыпалось, два ряда окон, лучше вот эти ра-
кушки, они блестят, почти как стекло... Иван
Степанович, он же Иоганн Штефан Юнг, при-
бывший в Одессу из Австро-Венгрии на по-
иски своего счастья и нашедший его в лице
Маруси Бахабановой, которую успела вы-
везти из Турции ее мать; Иван Степанович
Юнг, поселившийся на Новосельского угол
Торговой со своей молодой женой, которая
родила ему трех дочерей; Иван Степанович
Юнг, главный кондитер кафе "Фанкони", каж-
дый день ходивший на службу по Торговой,
Херсонской и Ланжероновской; Иван Степа-
нович Юнг, лучший в городе мастер по тор-
там, напевавший О Талпаутом долгими де-
кабрьскими вечерами и так никогда и не
вернувшийся на Балатон; дедушка Ваня, сумев-
ший воспитать шестерых внуков, но не сумев-
ший пережить смерть одного из них...
вот эти окна на улице, на втором этаже слева
от водосточной трубы, тонкая палочка вполне
подойдет, и весь этот ряд на первом эта-
же, ближе к аптеке...

Набежавшая волна коснулась песчаной
стены и отхлынула, оседая; несколько водо-
рослей зацепились за шершавую поверх-
ность, отказываясь возвращаться туда, отку-
да они появились; Майкл осторожно поднял
их, переложил по другую сторону стены, где
находился выходящий на Островидова
двор, быстро построил рядом часть дома
с подъездом, которая закрыла двор со сторо-
ны океана, и выровнял направляющую;
на этом перекрестке улицы сходились под
острым углом, и дом встал этим углом к океа-
ну, разрезая пенящиеся вокруг волны.

...Зартар Мануковна, мать бабушки Мару-
си, только что потерявшая мужа и беремен-
ная последним ребенком, привезла в Одес-
су целое состояние — всех своих шестерых
детей; Макс родился уже здесь — как память
об отце. Они добирались сюда через Траб-
зон, Николаев и Аккерман, жили на Слобод-
ке и Ближних Мельницах; дети подросли,
Макс пошел работать парикмахером, а сест-
ры Катя, Нина и Женя, такие же темновол-
осые красавицы, как и Маруся, выбрали бо-
лее перспективную профессию, став женами
домовладельцев. У дяди Лени Доценко
были дома на Молдаванке, у Мейера — воз-
ле Нового базара, сестры обзавелись наря-
дами, пристрастились к картам, лото и теат-

ры... из всего этого уцелели только квартира
на Внешней, две комнаты на Торговой и "де-
вятка" по вечерам... дядя Леня пошел рабо-
тать, тетя Нина начала шить, а Иван Степа-
нович с женой и дочерьми навсегда остался
в угловом, похожем на пароход доме, плыву-
щем сквозз неспокойное время... здесь,
над подъездом, был балкон, попробуем ос-
таток спичечного коробка, а этот плоский ка-
мень вполне подойдет для крыши... Три до-
чери-красавицы, три нежных создания
в белых кружевных платьях, которые жизнь
быстро заменила серыми суконными, Люд-
мила, Эмма и Изабелла, три сестры из одно-
именной пьесы в одесской постановке,
для нас уже бабушка, тетя Эмма и тетя Бел-
ла... хотя бабушку на самом деле звали Люд-
двигой и младшие сестры всю жизнь назы-
вали ее Людей, как отец... выросли в рево-
люции, голодали в войны, выучиться не ус-
пели, работали, как могли, бегали в кино на
Ильинского, ездили на пляж в Угольную га-
вань, вышли замуж одновременно, привели
в дом Арсения, Петю и Маноло, родили по
мальчику и по девочке каждая, добавили
к семье Валу, Толю, Игоря, Нилу, Эльзу
и Свету, бросили работать, вырастили детей
назло еще одной войне, понемногу состари-
лись, начали болеть... В учреждениях не ве-
рили, что они были родными сестрами,
потому что в свете двадцатых советская власть
написала им в паспортах: "Людвиг Иванов-
на Юнг, русская", "Эмма Янушевна Юнг,
полька" и "Изабелла Иоганновна Юнг, нем-
ка"... в июне сорок первого работавшая пас-
портной тетя Шура, дочка тети Нины
и старика Мейера, только в самый послед-
ний момент успела изменить "Иоганновну"
на "Ивановну" и "немку" на "русскую"...

Еще одна волна накатила на берег, зацепи-
ла дверь в ателье готовой одежды и выброси-
ла на песок несколько ракушек; Майкл подбо-
рал их, положил рядом с водорослями и на-
чал сооружать последний флигель, замыкав-
ший четырехугольник двора.

...Посреди двора был обнесенный забор-
чиком садик, в нем — стол и скамейки, а по
сторонам — акации и абрикосы... спички
прекрасно подойдут, если втыкать их на раз-
ную глубину... акации поднимались выше
крыш, а абрикосы были молодыми; детей во
дворе собралось много, и абрикосам никог-
да не удавалось созреть. Прямо на углу был
магазин "Культтовары", вход с полукруглой
лестницы, рядом — ателье готовой одежды,
а в полуподвале — мастерская по ремонту
телевизоров... мелкая галька в самый раз
плюс вот эти соломинки вместо перил...
Вход в парадное был сразу за полуподвалом,
узкий темный проход с постоянно закрытой
дверью на первом этаже и двумя квартирами
на втором, в одной из них жила тогда еще ни-
кому неизвестная Лора Кудельман; малень-
кая площадка, массивная дверь посередине,

а за ней — выход на коридор, в галерею, ко-
торая шла вдоль всего двора; отсюда можно
было попасть в несколько квартир с окнами
на Торговую, и шестнадцатая была первой из
них, вот этот вытянутый тамешек вместо две-
ри и ракушка вместо окна... Тесный коридор,
дверь к тете Эмме — налево, к тете Белле —
прямо, поворот, еще один коридор, проход
в кухню, маленькая дверь слева, узкая ком-
ната с высоким окном, в которой умерли де-
душка Ваня и бабушка Маруся, широкая кро-
вать, накрытый скатертью стол, горка с посу-
дой за стеклом, вазы, лампы, слонки, на-
стольные часы с кариадами, будильник
"ЗиМ", ножная швейная машинка "Зингер",
на стене — ковер с танцовщицей, удивитель-
но похожей на тетю Беллу, и сама тетя Белла
на стуле возле стола; высокая двухстворчатая
дверь, просторная смежная комната, тяже-
лая люстра, большой стол, заставленный
разнообразными кушаньями, и дядя Маноло,
грозно нависший над ними; дверь в коридор,
за ней — еще одна комната тети Эммы и дя-
ди Пети, кушетка, буфет, холодильник, окно
со вторым светом, еще одна комната, яркий
свет в глубине, окно на улице, ветки акаций,
шум за окном...

Очередная волна подхватила несколько су-
хих водорослей, лежавших у входа в парад-
ное; Майкл попытался их поймать, но волна
завертела темные нити, понесла за собой,
и он быстро потерял их из виду; Майкл вздох-
нул, отряхнул руки и принялся доделывать
крышу.

...Тетя Эмма... ее окно было на втором эта-
же, рядом с окном тети Беллы, и когда было
тепло, она вечно кричала через улицу тете
Шуре, которая в китайском халате с дракона-
ми выходила на свой ветхий балкон: "Шура,
только умоляю тебя, осторожно, он такой
хрупкий, он сейчас рухнет!" А дядя Петя
с обязательным "Сальве" в руке высовывал-
ся из-за ее спины и осторожно спрашивал:
"Кого ты имеешь в виду? Коммунизм?" Тогда
все еще жили в одной квартире, и жены еще
иногда закрывались на ключ и кричали воз-
вращающимся домой под утро мужьям через
дверь: "Ну и ноуш у нее, старый брехун!"
И тогда мужья пробовали залезть в квартиру
через окно, которое выходило на коридор,
а если жены закрывали и его, то спускались
на улицу и пытались подняться к себе на вто-
рой этаж по водосточной трубе, и когда один-
раз труба не выдержала и вместе с одним из
них, не-будем-говорить-с-кем, упала с не-
большой высоты, то жившие внизу соседи
вызвали милицию, которая забрала неудач-
ника и выпустила только на третий день, ког-
да Иван Степанович собственной персоной
пришел в отделение подтвердить его лич-
ность... Тетя Белла... она часами сидела на
коридоре, болтая с соседками или сестрами
и следя за нами, играющими внизу... Даже
тогда тетя Белла была эффектной женщи-
ной, а в молодые годы благодаря своим мно-
гочисленным округлостям сводила с ума
полгорода. Бабушка рассказывала, что в со-
рок втором году во время парада войск
в честь маршала Антонеску один румынский
офицер, увидев тетю Беллу на краю тротуа-
ра, бросил строй и вернулся в Румынию

только после войны. Благодаря чему тете
Белле удалось спасти от немцев дядю Маноло
и других родственников: во время обла-
в их переодели в женщин и прятали в когда-
то принадлежавшем Мейеру доме на Нежин-
ской рядом с Новым базаром... Тогда все
еще жили вместе, но когда выросли дети
и родились внуки, дом перестал вмещать
всех, и им пришлось разъехаться кто куда по
всей Одессе; бабушка уехала на Франца Ме-
ринга, тетя Белла — на Чкалова, а тетя Эм-
ма — на Добровольского, чтобы снова об-
браться вместе на Северном кладбище, те-
перь уже навсегда. С того момента, когда
Иван Степанович впервые поднялся по ле-
сенкам своего двухэтажного парохода, про-
шло ровно сто лет...

Майкл разогнул спину, сполоснул руки
в накатившей волне и отступил на несколько
шагов. Дом был готов; он поднимался из пе-
ска своими влажными спрессованными сте-
нами, белыми галечными балконами и реб-
ристыми ракушечными окнами, и океанские
волны разбивались о его фасад, заливая
двор через выходящий на Островидова
подъезд и затапливая парадные и подвалы.
Майкл натянул шорты, сложил в рюкзаке туф-
ли и майку и пошел вперед, почти не увязая
в песке; жесткие клубки водорослей похру-
стывали в его кармане. Он шел через широ-
кий пляж, залитый ярким южным солнцем,
и остающиеся за ним следы вытягивались
в четкую линию, которая начиналась от дома
у воды, уже едва заметного среди волн. Он
издали заметил черную собаку, которая ле-
жала на песке, опершись на передние лапы,
и смотрела на океан; когда он поравнялся
с ней, собака обернулась и внимательно по-
смотрела ему в глаза, а потом снова отвер-
нулась к океану; он прошел еще немного
и увидел двух девочек, сидящих вокруг спя-
щего ребенка; одна из них, загорелая дочер-
на, не заметила его, а другая наклонила го-
лову и улыбнулась так, как будто была давно
с ним знакома. Ближе к мосту он увидел
стройную полинезийскую девушку с тропи-
ческим плодом в руках, издали похожим
на яблоко; она стояла немного в стороне,
и когда Майкл приблизился, опустилась на
песок, и он заметил синюю языческую тату-
ировку у нее на плече. Рядом с девушкой си-
дела красивая женщина, у ног которой дре-
мали две кошки, а немного поодаль — стару-
ха с побелевшими от времени волосами;
старуха сидела на песке, поджав ноги,
и смотрела прямо перед собой. Майкл ми-
новал старуху и остановился: перед ним
расстился абсолютно пустынный пляж,
и волны накатывали на берег одна за другой,
оставляя после себя темные влажные пятна,
полные ракушек и водорослей. В этот мо-
мент странная белая птица с коротким изог-
нутым клювом пролетела над ним и исчезла
среди кружащихся над берегом чаек; Майкл
посмотрел на чаек и пошел за птицей ров-
ным шагом. До моста оставалось недалеко,
солнце садилось, и длинная тень тянулась
по песку на восток.

Он знал, кто он и откуда, а значит, знал, ку-
да он идет.

Франция, Париж.